

Глава 10: Гаофэй

Сегодня Лу Чуань получил жалованье. Хотя и всего за полмесяца, но он всё равно был рад — наконец-то можно было немного улучшить свою жизнь.

Закончив работу, он направился в мясную лавку, где купил два цзиня свинины и целую свиную ногу, а затем заглянул в «Фулу-чжай» за двумя упаковками пирожных.

Вернувшись в деревню, юноша не пошёл сразу домой, а свернул к дому старосты.

Дверь открыла его жена. Лу Чуань знал лишь то, что её фамилия Чжан и что она была женщиной немногословной и тихой. Она занималась домашними делами, присматривала за детьми и никогда не вмешивалась в решения мужа.

Староста был в доме непререкаемым главой, поэтому, когда он всё это время помогал Лу Чуаню, никто из домашних не возражал.

— Тётушка, добрый день, — Лу Чуань натянул вежливую улыбку. — Дядя Чэнь дома?

Госпожа Чжан, узнав учёного Лу, деревенского сюэя, тут же пригласила его войти:

— Дома, дома. Проходи, садись.

Лу Чуань не стал церемониться и, неся в обеих руках свои покупки, прошёл в дом.

Он выложил всё на стол. Вышедший на шум дядя Чэнь, увидев это, тут же запротестовал:

— Ну что ты, пришёл — и хорошо, зачем же столько всего принёс?

— Всё самое необходимое, — улыбнулся Лу Чуань. — В эти дни я выжил лишь благодаря заботе вашей семьи. Если бы не вы, боюсь, я бы уже отправился на встречу с родителями.

Он поклонился старосте и продолжил:

— Раньше я хотел отблагодарить вас, но был бессилён. Сегодня в чайном доме выдали жалованье, и я, конечно же, должен был прийти и выразить свою признательность. Иначе разве не прослыл бы я неблагодарным?

— К чему такая вежливость, — отнекивался старик. — Помогать друг другу — это естественно, мы ведь все из одной деревни. Тебе и так нелегко живётся, забирай всё это обратно.

Но Лу Чуань настаивал. После нескольких вежливых отказов дядя Чэнь всё же принял подношения.

Он позвал жену:

— Мать, отнеси-ка эту свинину и ногу на кухню, приготовь.

Затем повернулся к гостю:

— Сегодня поужинаешь у дяди. Мы с тобой как следует поговорим.

Староста был так радушен, что учёный не смог отказаться и согласился.

А как дяде Чэню было не радоваться? Всё это время он так заботился о Лу Чуане в надежде, что тот, добившись успеха, не забудет о своей деревне.

Раньше, пока юноша то учился в академии, то соблюдал траур дома, староста мало с ним общался и не знал его нрава. Теперь же, видя, как парень, едва получив жалованье, поспешил отблагодарить за доброту, старик понял, что и в будущем тот не оставит деревню без внимания.

Тайная радость от того, что его добрые дела не остались незамеченными и он не ошибся в человеке, была неопишима. Оставалось лишь усадить гостя за стол и как следует накормить, чтобы выразить своё удовольствие.

Во время ужина староста осторожно завёл разговор о женитьбе Лу Чуаня, но тот снова уклонился от прямого ответа, сказав, что пока не планирует обзаводиться семьёй и хочет сначала сдать экзамены на цзюйжэня.

Собеседник поразмыслил и согласился. Восемнадцать лет для учёного мужа — это ещё молодость. Даже если он сдаст экзамены через три года, ему будет всего двадцать один. Кто знает, может, тогда ему посватают невесту из ещё лучшей семьи.

В Великой Ань существовал обычай «хватать зятя из списка сдавших экзамены», и в столице он был особенно распространён.

Увидев, что Лу Чуань твёрд в своём решении, староста больше не поднимал эту тему.

Когда Лу Чуань вышел из дома старосты, луна уже стояла высоко в небе. Её свет так ясно озарял поля и дорогу, что можно было идти домой без фонаря.

Вернувшись, он вскипятил воды, умылся и лёг в постель, не став упражняться в каллиграфии. Хотя его нынешний почерк ещё не был так красив, как у прежнего владельца тела, он уже стал довольно похожим. Со временем он непременно овладеет стилем гуаньгэти.

Ему снова приснился тот гээр. В белоснежных одеждах он стоял у окна, холодный и неприступный.

Лу Чуань долго смотрел на него, оцепенев. Внезапно прекрасный юноша медленно обернулся и одарил его лучезарной улыбкой, от которой, казалось, таял зимний снег и расцветала весна.

Не успел Лу Чуань опомниться, как видение рассеялось.

Он резко открыл глаза и сел на кровати, тяжело дыша.

«Снова сон», — осознал он.

С тех пор как Лу Чуань узнал, кто этот прекрасный юноша, и понял, что у него нет никаких надежд, сны прекратились. Но сегодня разговор со старостой о женитьбе пробудил в нём воспоминания, и тот снова явился в его сновидениях.

Лу Чуань поднялся, в темноте нащупал обувь и пошёл налить себе воды. стакан холодной воды остудил его внутренний пыл. Успокоившись, он собрался снова лечь спать.

Он, конечно, думал о том, чтобы побороться за своё счастье. В эту эпоху единственным способом стать достойным такого человека было сдать государственные экзамены и изменить свой статус.

Но экзамены — это тяжелейшее испытание, словно переход по узкому мостику над пропастью, куда сложнее, чем современный кэцзюй. Даже если он приложит все усилия и сможет их сдать, сколько лет на это уйдёт? К тому времени предмет его мечтаний, скорее всего, уже будет женат.

Оставалось лишь заставить себя забыть.

Технология производства бумаги в Великой Ань значительно продвинулась со времён предыдущей династии, что привело к снижению цен. К тому же наборный шрифт был изобретён ещё в прошлом, так что стоимость обучения для простого люда сильно упала.

Особенно в столице, где число образованных людей было не счесть.

Многие приезжали в столицу на столичные экзамены и, не сумев получить степень цзиньши, оставались здесь жить. Но жизнь в столице была дорогой, и этим цзюйжэням, чтобы свести

концы с концами, приходилось писать рассказы и повести.

Поэтому жанр повествовательной прозы в столице процветал. Истории, которые господин Жунчжай рассказывал в чайном доме, он заказывал у одного из таких учёных. Если рассказ получал хороший отклик, можно было даже заключить договор с издательством и получать гонорар.

Учёные, умевшие писать популярные рассказы, жили в столице вполне безбедно.

В свободное время Лу Чуань не только упражнялся в каллиграфии, но и размышлял, как бы заработать на написании повестей. Хотя в прошлой жизни он изучал точные науки, он прочёл бесчисленное множество романов и знал все популярные сюжетные ходы.

Он заметил, что рынок столичных повестей страдает от однообразия. Самыми продаваемыми были истории о талантливых юношах и прекрасных девицах. Такие произведения нравились и мужчинам, и женщинам, и гээр — аудитория была огромной.

Повесть, которую писал Лу Чуань, тоже была о талантливом юноше и прекрасной девице, но сюжет был сложнее, чем у тех, что продавались сейчас. Вражда двух поколений, нагромождение всевозможных драматических поворотов: погони и бегство, влечение и отталкивание, недоразумения и упущенные возможности...

Он был уверен, что это потрясёт неискушённых древних читателей и заставит их читать без отрыва.

После десяти с лишним дней правок и переписываний Лу Чуаню наконец удалось наскрести двадцать тысяч иероглифов. Он решил попытать счастья в издательстве.

Прежде чем идти туда, он показал рукопись господину Жунчжаю. За время работы в чайном доме они успели немного подружиться, пусть эта дружба и была в основном «выеденной» за общими трапезами.

Господин Жунчжай, нахмурившись, читал рукопись, поглаживая бороду. Лу Чуань сидел напротив, с тревогой ожидая его вердикта. По правде говоря, с точки зрения читателя, автор понимал, что его сюжет не блещет гениальностью, но он был свежее и интереснее нынешних повестей.

Старик отложил рукопись и долго смотрел на собеседника, отчего тому стало не по себе.

— Господин Жунчжай, — кашлянул Лу Чуань, — что-то не так?

Старик наконец отвёл взгляд и с сожалением произнёс:

— История очень свежая, совершенно не похожа на то, что сейчас пишут. — Он сделал паузу.
— Вот только стиль и сюжет — полная чепуха, бессвязная мешанина.

Услышав этот приговор, последняя надежда Лу Чуаня умерла.

«Я всё-таки гуманитарный бездарь, — Лу Чуань самокритично усмехнулся. — Умею только читать, но не писать. Смешно...»

А он-то мечтал разбогатеть на повестях, обрести финансовую независимость и наслаждаться беззаботной жизнью.

«Что ж, бездарь он и есть бездарь».

— Однако, — вдруг сменил тон господин Жунчжай, — эта повесть не годится для публикации в издательстве, но отлично подойдёт для устного рассказа.

Глаза Лу Чуаня вспыхнули. Вот это поворот!

— Я могу взять за основу твою идею, немного её приукрасить и рассказывать публике.

Сказители, помимо собственных историй, часто брали чужие повести, редактировали их и пересказывали своими словами.

— То есть то, что я написал, ещё может пригодиться? — спросил Лу Чуань.

Господин Жунчжай кивнул:

— Да. Я готов заплатить десять лянов серебра за твою идею, но мне придётся её доработать и расширить.

Лу Чуань кашлянул, силясь сохранить спокойствие. Он уже решил, что у него нет таланта к этому ремеслу, а оказалось, можно продавать идеи для сюжетов. Хотя это и не принесёт столько денег, сколько написание полноценных произведений, он был рад и этому.

Заработать деньги в древности было не так-то просто.

На самом деле Лу Чуань думал и о том, чтобы заняться торговлей. Но в эту эпоху для этого требовался не только начальный капитал, но и связи, и покровители.

В романах, которые он читал, попаданцы зарабатывали то на еде, то на мыле или стекле. Лу Чуань знал кое-какие рецепты и технологии изготовления мыла и стекла. Но реальность

оказалась иной. Кухня Великой Ань достигла небывалых высот. Еда в уличных ларьках была вкуснее, чем в лучших ресторанах его времени. Мыло тоже уже существовало, Лу Чуань сам стирал им одежду, покупая в городе. Даже стеклянные изделия были разнообразны.

Поэтому, хорошенько всё обдумав, он пришёл к выводу, что заработать можно только на написании повестей. Но раз уж с литературным талантом не сложилось, продавать идеи — тоже неплохо.

Лу Чуань составил два экземпляра договора, они с господином Жунчжаем поставили подписи и отпечатки пальцев.

Взвесив в руке десять лянов серебра, Лу Чуань остался доволен. Это было почти его двухмесячное жалованье.

С тех пор как Се Мин узнал о Лу Чуане, он велел своим людям разузнать о нём всё до мельчайших подробностей. Помимо слабого здоровья, юноша был хорош во всём.

Образован, в столь юном возрасте уже получил степень сюэца, красив, с утончёнными манерами. Ему было всего восемнадцать, столько же, сколько Нин-гээру, и он был на несколько лет моложе того Лянь Инцзе.

Чем больше молодой господин Се узнавал, тем больше был доволен. Выбрав подходящий момент, он рассказал обо всём отцу, матери и старшей невестке.

Вся семья, за исключением Се Нина и Се Цзиня, собралась в главном дворе. Се Цзинь был ещё слишком мал, чтобы участвовать в таких разговорах, а Се Нина, как главного действующего лица, решили поставить в известность, когда всё будет решено.

Мать Се изучала собранные сведения. Се Мин даже заказал портрет Лу Чуаня. Хоу Юннин шлёпнул портретом по столу.

— Не понимаю я, — сокрушённо произнёс он, — почему Нин-гээру так нравятся эти смазливые юнцы? В моей армии столько прекрасных воинов, а он ни на одного и не взглянул.

Если бы Нин-гээру нравились военные, им не пришлось бы так беспокоиться о его браке.

Госпожа хоу не обратила на него внимания. Дочитав досье до конца, она бросила на мужа беглый взгляд:

— Нашему Нин-гээру нравится, а это самое главное.

Госпожа Чжан взяла у свекрови бумаги.

— По-моему, этот молодой человек очень хорош, — сказала она. — И красив, и учен. Может, для начала устроим им встречу? Сколько бы мы ни расхваливали, главное, чтобы он понравился самому Нин-гээру.

<http://bllate.org/book/15313/1354392>